

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft. Tl I / Hrsg. von Hazai G. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 493 S.

Книга — первый том коллективного труда, который будет состоять из нескольких частей и предназначен для широкого круга лиц, проявляющих интерес к изучению турецкого языка. Подготовленная усилиями тюркологов разных стран, она удачно совмещает простоту изложения с достаточно высоким теоретическим уровнем реализации частных задач программы, изложенной в аннотации и предисловии, и таким образом может рассматриваться и как учебное (обзорное) пособие ("компас для ориентации в распыленной литературе и в методическом многообразии турецкой языковедческой науки"), и как разностороннее исследование истории турецкого языка. Почти все статьи в ней содержат перечень и критический разбор существующих концепций по отдельным разделам турецкого языкознания и сопровождаются библиографическими справочниками. Естественно, они не могли быть написаны по единой схеме, в соответствии с заданной программой: неодинаковы глубина разработки различных тем предшественниками и теоретическая значимость решаемых задач, и поэтому нередко принципиально расходятся целевые установки авторов. Последнее обстоятельство существенно затрудняло рецензирование книги, делало неизбежным внесение в рецензию элементов аннотации.

В книге не все приемлемо "с ходу", есть высказывания, с которыми трудно согласиться, есть, пожалуй, ошибочные решения, но в целом она воспринимается как чрезвычайно полезное в познавательном отношении, весьма содержательное и высоконаучное издание. Своими несомненными достоинствами книга обязана хорошо подобранному коллективу авторов — ведущих специалистов в данной области и издателю, Д. Хазаи, являющемуся крупнейшим исследователем турецкого языка.

Книга начинается статьей Г. Дёрфера "Место османского языка среди огузских

языков и его предыстория" (с. 13—34). В ней придается большое значение расширению круга огузских языков, осуществленному главным образом за счет открытий, которые были сделаны не так давно в Иране. Автор посетил Иран в 1973 г., обследовал северную часть его и собрал ценные материалы, позволившие ему дать новую классификацию огузских и, шире, тюркских языков. Особое внимание уделено халаджскому языку, в котором сохраняется первичная количественная оппозиция гласных, и хорасанскому, материалы которого собраны впервые. В халаджском языке Г. Дёрфер выделяет два пласта: новый, азербайджанский, точнее, азербайджанообразный ("aserbajdschanoide"), малоинтересный с точки зрения истории языка, и древний, важный для истории всех тюркских языков. Любопытны сведения о степени сохранения старых вокалических долгот в огузских языках, уточняющие наши представления о темпах и масштабах разрушения пратюркской количественной оппозиции гласных. Что касается хорасанского языка, отчасти примыкающего к туркменскому, то изучение его, по мнению автора, облегчает решение проблемы происхождения старого смешанного языка Анатолии, проблемы, получившей наименование *olga bolga dili*. В частности, отмечается факт переселения многих тюрок из Хорасана в Анатолию в период после сельджукского завоевания, что привело к смешению разнородных языковых элементов. Здесь же Г. Дёрфер воспроизводит ранее предложенную им классификацию тюркских языков, общее число которых у него — 7: чувашский, халаджский якутский, южносибирский, кыпчакский, уйгурский, огузский. Остальные тюркские языки — диалекты какого-либо одного из семи упомянутых выше. Так, татарский и казахский — диалекты кыпчакского языка. Нетрудно заметить, что она мало чем отличается от классификации А.Н. Самойловича, в которой при-

веденными только что наименованиями обозначены группы языков. Единственное заметное отличие — выделение в самостоятельную группу халаджского языка. Не отрицая вообще допустимости такой классификации, хочу все же выразить свое негативное отношение к новшествам, не вносящим ничего нового в решение самой проблемы. Точно так же, можно, например, утверждать, что существуют не три, а один восточнославянский язык, и что русский, украинский и белорусский — вовсе не языки, а диалекты восточнославянского языка. Убежден, что никаких серьезных научных оснований для такого утверждения нет. Оно возможно лишь как следствие недооценки совокупности обстоятельств, влияющих на проведение границы между языком и диалектом.

В статье В.Г. Гузева "Исследования тюркского языка Малой Азии периода от XIII до XVI века" (с. 35—62) перечислены главные работы, относящиеся к этому циклу, и изложены высказывания тюркологов о наиболее сложном и до сих пор недостаточно ясном периоде истории старогреческого языка. Приводятся две основополагающие точки зрения по вопросу о месте и условиях его формирования: 1) старогреческий язык образовался в Малой Азии и с самого начала имел свой, обособленный от языка Средней Азии, путь развития (Т. Бангуоглу и др.), 2) старогреческий язык сельджукской эпохи (XI—XIII вв.) был смешанным языком (*olga bolga dili*) и в основе своей близок к литературному караханидскому языку Средней Азии. В более позднее время (XIII—XV вв.) в Анатолии стал развиваться местный письменный язык с явной тенденцией постепенного "очищения" от элементов старого смешанного языка Средней Азии (З. Коркмаз и др.). Именно этот язык получил наименование староосманского. Некоторые авторы предпочли назвать его старогреческим тюркским (М. Мансуроглу и др.).

Д. Хазан в статье "Памятники османотюркского языка Турции не-арабского письма" (с. 63—73) указывает на важность текстов, написанных армянскими, грузинскими, греческими, древнееврейскими и сирийскими буквами, кириллицей и латиницей для историкофонетических исследований.

Статья Л. Юхансона "Историческая грамматика" (с. 74—103), в которой обстоятельно обсуждаются трудности создания полноценной исторической грамматики турецкого языка, содержит обзор трудов по староосманскому языку и языку более позднего времени.

А. Титце в двух статьях — "Иноязыч-

ные элементы в османотюркском языке Турции" (с. 104—118) и "Влияние турецкого языка на другие языки" (с. 119—145) — представил обширные списки литературы с эпизодическими комментариями.

Самая значительная по объему и охвату теоретических проблем — статья Л. Юхансона "Исследования турецкой грамматики" (с. 146—301). Упоминая о том, что главную роль в описании турецкой грамматики играли тюркологи Советского Союза, многие работы которых имели общетюркологическую направленность, Л. Юхансон отмечает влияние на их исследования теоретико-методологических положений русистики. В статье критически оцениваются различные типы грамматик и грамматических исследований, различные методы и исходные теоретические посылки. Последовательно рассматриваются: морфологическая структура слова, правомерность выделения тех или иных составляющих ее компонентов, например, префиксов и флексии, обоснованность разделения аффиксальных морфем на словообразовательные и формообразующие и многие другие вопросы. Один из разделов статьи посвящен синтаксису: структуре именного сочетания, так называемому тюркскому изафету, порядку слов в предложении, типам предложения и т.д. Л. Юхансон считает, что большинство опубликованных до настоящего времени работ представляет по сути дела лишь дограмматические рассуждения ("prägrammatische Spekulationen") и тривиальные собрания материалов (с. 154), в то время как новейшие направления современной европейской и североамериканской лингвистики остались чуждыми для тюркологии. Думаю, эта оценка — излишне строгая. Во все периоды существования научной тюркологии проявлялся живейший интерес к теоретическим вопросам. Так, долго был предметом дискуссий процесс поляризации глагольных форм, с которым связано образование *verbi finiti*, и обсуждение его не могло не способствовать обогащению грамматической теории. Кстати, тезис об исходной именной структуре тюркского предложения впервые четко сформулировал в грамматике турецкого языка Ж. Дени [1], противоположная же точка зрения нашла отражение в статьях П.И. Кузнецова [2, 3]. Другой пример — гипотеза о посессивной природе предикативных отношений в реконструируемой модели пратюркского именного предложения. Высказывания Г. Винклера, К. Брокельмана и К. Грёнбека послужили опорой для концепции посессивного строя предложения как особого этапа в развитии синтаксической структуры тюркских языков.

Постепенно интерес к указанной гипотезе почти полностью исчез и она утратила самостоятельное научное значение, став тем не менее в известной мере генератором полезных теоретических идей.

В центре внимания И. Крамского — работы по фонетике и фонологии (с. 302—334). Отмечая тесную связь двух дисциплин, автор не отрицает их относительной самостоятельности. Утвердившиеся ныне различие фонемы и звука, фонемы и аллофона, ставшее обычным использование функционального подхода к анализу звуковых и просодических единиц и явлений рассматриваются И. Крамским как самые значительные достижения в изучении турецкого языка в послевоенный период.

Х. Штейн представляет очерк турецкой лексикографии, в котором упомянуты все типы словарей (с. 335—370).

Обзор, подготовленный Л. Гржебичеком (с. 371—387), охватывает исследования количественной стороны языка. Ориентация на применение статистических приемов, как он полагает, позволяет ставить по-новому старые проблемы или выдвигать новые, в частности такие, как отношение разговорного и письменного языков на лексическом и морфологическом уровнях. Назвав ряд авторов, использующих количественные приемы, Л. Гржебичек останавливается преимущественно на работах Д. Пирса, содержащих соотносительную характеристику списков частотности слов и грамматических морфем в разговорном турецком языке и в стилевых разновидностях письменного турецкого языка. В обзоре особо выделены также работы, методологической основой которых является теория информации (А. ТретиакOFF).

Очерк истории изучения анаголийских диалектов написан З. Коркмаз (с. 388—413), опубликовавшей в разное время ряд диалектологических работ. К числу диалектов, помимо территориальных разновидностей языка, отнесены жаргоны этнических и профессиональных групп. В очерке с сожалением констатируется факт отсутствия лингвистического атласа Анатолии.

К статье З. Коркмаз примыкает очерк Э. Трыарского "Балканские диалекты" (с. 414—453). Отметив сложность этногенеза тюркоязычного населения Балканского п-ва, трудности использования понятия "диалект" в отношении турецких говоров (для некоторых тюркологов все тюркские языки — диалекты одного общетюркского языка), отсутствие строгого разграничения терминов "язык", "говор", "наречие", Э. Трыарский в конечном итоге ограничивает свою задачу

обзором описаний и исследований турецких говоров Болгарии, Румынии, Югославии, Греции и Албании. При этом подчеркивается неравномерность изучения говоров, отсутствие единообразия в приемах лингвистического описания, в транскрипции.

В завершающей сборник статье "Турецкая языковая реформа и языковая политика в Турции" (с. 454—492) Б. Брендемуен дает целостную картину ведущейся в Турции борьбы за сближение письменного языка с разговорным, за создание общедоступного турецкого языка, свободного от иноязычных элементов (*Öztürkçe*), начиная с реформаторской деятельности Ататюрка и кончая преобразовательными процессами нынешнего времени. Как известно, основная тенденция, связанная с этой борьбой, в практической деятельности турецких языковых обществ была откровенно пуристической и заключалась в замене слов и терминов иноязычного происхождения, главным образом арабских и персидских, подходящими турецкими (*resp.* тюркскими) соответствиями. В послевоенный период пуризм приобрел заметную политическую окраску и отношение к реформе стало важным элементом партийной о противостояния: народно-республиканская партия (*Cumhuriyet Halk Partisi*), считая себя продолжателем дела Ататюрка, поддерживала реформу, тогда как партия справедливости (*Adalet Partisi*), по существу, настаивала на свертывании ее. Затем Б. Брендемуен кратко излагает содержание публикаций, касающихся данной темы, и, привлекая конкретный материал, описывает методы реформирования языка — пути и способы подбора турецких замен для иноязычных слов и терминов. Примечательны суждения о результатах реформы, которые могут вызвать повышенный интерес у тюркологов СНГ, занимающихся социалингвистическими исследованиями.

Возвращаясь к оценке сборника в целом, следует выразить большую благодарность коллективу авторов за подробный, тщательно подготовленный очерк изучения турецкого языка, надежно обеспечивающий возможность ориентации в огромном количестве специальных работ, в их тематической пестроты и многообразии уровней научно-теоретической глубины. В книге есть опечатки, неточности в наименованиях статей и монографий, случаи неординарной передачи географических названий (например, с. 34, 57), не соотносены между собой такие важные термины, как "османский", "староосманский", "османотюркский", "османотюркский язык Турции", "османотурецкий", "староанатолийский тюркский", одна-

ко в большинстве своем встречающиеся погрешности не существенны и несколько не умаляют отмеченных выше достоинств рецензируемого издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*. P., 1921. P. 144, 381—384.

Jacob A. Temps et langage: Essai sur les structures du sujet parlant. 2-me éd. P.: Armand Colin, 1992. XX + 411 p.

Рецензируемая книга представляет собой переиздание впервые вышедшего двадцать пять лет назад труда А. Жакоба, ученика Г. Гийома, ныне профессора-эмеритуса в университете Paris-X, руководителя издания "Универсальной философской энциклопедии", выпущенной недавно университетским издательством Франции (Париж), известного специалиста в области философии языка. Влияние мэтра сказывается практически во всех частях монографии: от общелингвистического подхода до языковых иллюстраций и стиля диаграмм. Можно сказать, что данная книга представляет развернутое философское обобщение лингвистических взглядов Г. Гийома, чем, между прочим, объясняется и стиль, не вполне привычный для русского читателя.

Книга состоит из Введения, трех частей (каждая из которых разбита на три главы) и Заключения. Библиография включает работы до 1967 г., что вызывает сожаление, поскольку поднятая проблема в последние два десятилетия исследовалась очень интенсивно. Несомненно ценным является глоссарий, охватывающий не только терминологию концепции Г. Гийома, но и некоторые общеполитические понятия, которым предлагается оригинальное истолкование.

В предисловии ко второму изданию указывается (с. X), что язык обязан времени живучестью и смыслом своего бытия, а время обязано языку своей структурированностью. Язык и время пересекаются в мире символизации (с. XV). Замысел работы, — кстати, основанной на диссертации автора, — заключается в том, чтобы на основе интерпретативного подхода развить теорию субъекта-человека, опираясь на синхронную организацию языка. На передний план выдвигается все, что связано с моментом "Я говорю", который рассматривается во временной перспективе, т.е. синхрония берется на фоне диахронии, которая тем самым "очеловечивается" (с. XVIII). Субъект же берется как "возможность сказать", обуславливающая "возможность сделать" (с. XX)

2. *Кузнецов П.И.* К обоснованию теории вербальности тюркского предложения // СТ 1980 № 3, 4.

3. *Кузнецов П.И.* Является ли строй тюркских языков изначально именным? // ВЯ. 1980 № 6.

Щербак А.М.

Во Введении выдвигается тезис о том, что история постижения времени выливается в колебания между естественным и "сверх-естественным". Говорящий субъект — существо, преодолевающее простую зависимость от становления, это свидетель становления, вносящий от себя упорядоченность, достаточную для передачи сообщений. Так говорящий преодолевает свою сиюминутность, вырисовывается из настоящего. Говорящий субъект — и проект, и воспоминание. А язык, употребляемый субъектом, вполне соответствует этому. Так, знаки осмысляются в отсутствии обозначаемых ими предметов и являются в той или иной мере носителями времени (с. 11). Более того (с. 15), знаки эти являются средством избежать необходимости в непосредственном присутствии и исчезновении событий.

В части первой — "Подход синхронии" — отмечается, что для того, кто в нашем мире существует и мыслит, реальность обладает двумя различными плоскостями: эволюцией (со всеми перипетиями изменения) и абстракцией (в конкретный момент) от этой эволюции, но так, чтобы все, что выясняется о таком моменте, сохраняло свою силу для определенного этапа в становлении. Эти взаимодополнительные подходы никогда не бывают представлены в чистом виде. Языковая синхрония — язык сам по себе, взятый в качестве живой единицы там, где диахрония занята историей языка.

В первой главе — "Развитие структурной лингвистики" — идея структурализма характеризуется как представление о том, что каждому языку свойственны некоторые структуры, оправдывающие собственное лингвистическое автономное исследование: языки — объекты для лингвиста — представляют собой единства, в которых царит полная гармония. Однако (с. 47) рассматривать языковую синхронию в качестве конкретного модуса бытия — значит включить это бытие, возможно, даже в негативном смысле, в рамки человеческого становления, а тем самым приписать бытию значимость